

Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова–Ленина, 2007. 256 с. ISBN 5-98180-383-5.

На протяжении всей российской истории XX века, насыщенной крупными событиями, экспериментами на политической арене и в приватной сфере, происходила кардинальная трансформация ценностей, в том числе, связанных и с миром детства. Советское детство, понимаемое сквозь призму «социальных переменных», — гендера, класса, этничности, в контексте меняющихся практик повседневности — стало предметом междисциплинарного анализа уже в 1960-х годах в книге У. Бронфенбреннера «Два мира детства. Дети в США и в СССР» [Bronfenbrenner, 1970]. Изучение истории глазами ребенка, как отмечает Н.Л. Пушкарева, дает нам понимание того, что значило быть ребенком в ту или иную историческую эпоху и позволяет рассмотреть процессы социального конструирования детства на протяжении столетий [Пушкарева, 2001]. Книга А.А. Сальниковой «Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования» представляет такой синтетический подход, охватывая аспекты истории, гендерных отношений, социальных ценностей, символизма. В книге обсуждаются официальные и неофици-

альные документы, а также «детские тексты», наделенные той характерной «советскостью» и детским революционным опытом, которые убеждают, что творцами детской истории выступали и выступают именно дети. Ведь они «чувствовали, участвовали и страдали наравне со взрослыми, оказавшись вовлеченными подчас в самую гущу исторических событий» [С. 11].

В книге четыре раздела и восемь глав. Первый раздел посвящен российскому/советскому детству XX века в исследовательской теории и практике. Здесь рассматриваются практики исключения детей из «исследовательского поля историографии», поскольку ребенок всегда ассоциировался с неким «маргинальным» существом. Несамостоятельность, неразумность в суждениях, неадекватное восприятие мира считались характерными чертами детства в традициях многих культур. А. Сальникова предлагает уйти от узкого понимания детства и перейти на совершенно новый уровень, связав это понятие с «социальными переменными». Анализируя «взрослую» повседневность, необходимо, по мнению автора, обращаться к «детскому опыту», чтобы в дальнейшем понимать установки людей по отношению к власти, историческим процессам, приспособленность к новым условиям. Осмысливая поле «детских исследований», автор приходит к мысли, что «детство и дети имманентно присутствуют везде, что без учета их наличия и их участия невозможно изучение истории советского общества в целом» [С. 6].

В книге рассматриваются мифы о «советском детстве», которое вплоть до 1980-х годов считалось совершенным продуктом нового режима, где царили «счастье, безоблачность и защищенность» [С. 25], и было вписано в советский политический контекст, в поле отношений «власть — ребенок». Мифологизированными картинками «вымышленного» ребенка был пропитан весь советский детский мир: детская литература, кинематограф, фольклор, досуг, вовлечение в политические организации. Агентами по конструированию тоталитарной картины в детском сознании выступали детские издания и школьная программа.

Впрочем, феномен «вымышленного» ребенка не является уникальным советским изобретением, присутствует он и в западной культуре. Это «желание увидеть в детях взрослых, которыми они сами хотели бы быть» [С. 47]. Качества, которые следовало развивать у западного и советского ребенка, несколько различались (подвергаясь сравнению и взаимной критике), а подход к детям как проекции будущего был общим. Западные исследователи, например, подвергали критике миф о детях-сиротах, из которых можно вырастить «строителей революционного будущего» в условиях детского дома как «единой советской семьи», вне вредного влияния родной семьи, переладить которую было уже невозможно.

Второй раздел книги полностью посвящен «детскому» тексту и детской памяти в эпоху «российских катастроф». Пожалуй, это наиболее впечатляющая часть издания, обращающаяся непосредственно к жизненному опыту детей. Здесь автор подробно анализирует методологию источниковедения, куда современные историки относят законодательные, делопроизводительные документы, статистику, мемуаристику, периодику, личные письма, дневники, результаты анкетирования. Исследователей в случае такой «всеядности» подстерегают некоторые сложности в интерпретации источников.

Учитывая то, что большинство материалов представлено в форме воспоминаний о детстве, и составлены эти источники не по собственной инициативе детей, автор подчеркивает важность того, что интересовало самих взрослых, «работавших» с этим материалом. Таким образом, Сальникова приходит к мысли, что при сопоставлении воспоминаний детей с воспоминаниями взрослых о детстве прослеживается «качественная противоположность». Диапазон различий велик, однако в целом идеализация представлений взрослых о детстве и четкое, критичное представление ребенка о недавнем прошлом показывают нам совершенно разные реальности, поэтому приоритетными в данном случае являются источники, созданные самими детьми. Важно отметить при этом, что до 1917 года уровень грамотности среди населения был довольно низким, поэтому не каждый ребенок мог написать что-либо о себе, своей семье в годы перемен. Гендерная принадлежность — тоже фактор грамотности. Автор приводит примеры сочинений детей, анализируя их с точки зрения гендерного восприятия событий. В целом делается вывод о детских источниках, что «их объединяют такие общие признаки, как высокая эмоциональность и усиленная гиперболизация, пестрота революционной (или контрреволюционной) риторики, фантазийность представлений, символичность образов», а также «плохость», несовершенство письма вне зависимости от происхождения источника» [С. 77].

Особый интерес представляют «детские» мемориальные тексты, в том числе, известные с дореволюционных времен школьные рукописные журналы. С помощью подобных произведений можно было проследить динамику формирования детских ценностей на протяжении десятилетий. В послереволюционное время в школьной образовательной практике появляется новый жанр — автобиографический, с помощью которого дети могли разграничивать жизнь «до и после». Этот жанр был призван подчеркнуть положительные отличия советского строя от царизма. Школьная повседневность 1920—1930-х годов широко представлена в школьных летописях, где ежедневно фиксировались события и эмоции детей, постепенно переходящие в оппозиции тоталитарному режиму, политическому насилию, государственному террору. Однако в 1930-х годах в связи с ростом антисоветских настроений в школьной среде этот жанр заменился стенной печатью, где каждое слово подвергалось цензуре и носило просоветский характер. Особое внимание автор уделяет дневникам детей, когда из описания повседневности они трансформируются в «антисоветские» записи. Причина этому — разрушение института семьи как одно из самых суровых последствий советских политических репрессий. Переход к индустриальному обществу при широком применении насилия требовал огромной армии заключенных, используемых на принудительных работах. В этом случае не щадились ни старики, ни женщины, ни даже дети. Поэтому дневниковые записи велись с особой осторожностью и конспирацией.

Воспоминания детей о революции и гражданской войне в России характеризуются коллективностью и фрагментарностью, в них из повседневности выделяются наиболее запоминающиеся, яркие события. Самым важным для ребенка является мир семьи, его собственная жизнь, поэтому ребенок измеряет российскую историю, смотря через эту призму. Автор

подчеркивает важность для исследователей не столько реально происходивших событий, сколько того смысла, который они несли в себе для детей.

Резкая смена режима, власти породила огромное количество аббревиатур, политических терминов, произошла политизация общества, в том числе и детей, для которых революционная идеология во многом воспринималась в абстрактных понятиях, в которых дети не могли разобраться. Детский лексикон наполнился агитационно-пропагандистскими понятиями, марксистским сленгом, а напряженность внутри российского общества сказывалась на отношениях между детьми, нередко вызывая противостояние между ними. «Дети, чтобы казаться взрослее, с удовольствием примеряют на себя ярлыки партийно-политической принадлежности» и не отдают себе отчета в том, что эти понятия означают в реальности [С. 131]. Таким образом формировалась детская «лингвистическая память» о новой советской России.

Третий раздел книги посвящен гендерным аспектам истории советского детства. А. Сальникова акцентирует свое внимание на социокультурных особенностях общества с 1914 до конца 1920-х годов. Можно согласиться с автором, что детство «приобретает качественно новые черты, качественно новый характер и уже по определению становится “другим”» [С. 139]. В критической ситуации деструкции монархического строя и начала Первой мировой войны девочкам, девушкам и женщинам приходилось кардинально менять свои привычные модели поведения и принимать новые, подчас не удовлетворяющие их, ценности и идеалы. Война стала неотъемлемой частью повседневности, и это не могло не отразиться на образе жизни детей.

Гендерные различия в повседневной жизни детей прослеживаются на примере писем, посылаемых мальчиками и девочками на фронт. Автор анализирует свидетельства романтизации и нормализации войны: «Уже в первые дни войны из одного только Вильно ушли на передовые позиции 5 девочек; в Москве был отмечен побег гимназистки, переодетшейся в костюм вольноопределяющегося» [С. 155]. Одним из примеров формирования образа врага и переопределения «нормальности» в военное время является случай, когда дети использовали труп австрийского солдата в качестве основы для снеговика. Что касается «образа врага», то им становится любой человек, говорящий по-немецки, вследствие чего дети отказываются читать немецкую литературу, петь песни на языке врага. Автор отмечает, что в ранней советской истории идеология не могла прочно укорениться в охваченном хаосом обществе, вследствие чего «аномалия стала нормой» [С. 170]. Социальная ситуация стала особенно критической в связи с голодом, охватившим Поволжский регион в 1921–1923 годы.

Книга завершается описанием результатов авторского исследования, проведенного в 2000 году среди современных школьников с использованием метода автобиографии с целью «воспроизведения картины постсоветской действительности глазами детей» [С. 210].

В работе упоминается одна важная тема, назовем ее «антисоциальной политикой» в отношении детей, и, возможно, это станет предметом авторского внимания в будущем. Ведь советскую систему «государство — дети» отличал дифференцированный подход к несовершеннолетним, представлявшим различные социальные группы и подлежащим соответственно осо-

бым формам социального контроля, воспитания, заботы. К детям из семей лишенцев, тем, чьи родители (либо сами они) были заподозрены в «антисоветских настроениях» применялись репрессивные меры [Шуткова, 2002]. Существуют документальные свидетельства высокой детской смертности, жестокого обращения с детьми в государственных воспитательных учреждениях и колониях. Эти данные говорят о четком разделении между декларируемой социальной политикой в отношении детей, концепцией «счастливого советского детства» и реальной ситуацией, когда дети оказывались наименее защищенным слоем [Дети ГУЛАГа... 2002].

Рецензируемое издание займет достойное место в ряду новых исследований советского детства в контексте идеологии, социальной политики и повседневности обычных людей. В книге приведены уникальные визуальные материалы — фотографии, плакаты, показывающие динамику символического контекста советского детства. К сожалению, малый тираж монографии (300 экз.) не позволит с ней познакомиться многим заинтересованным читателям. Хотелось бы надеяться на ее переиздание более крупным тиражом или публикацию online.

Список литературы

Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002.

Пушкарева Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков; СПб.: Питер, 2001. С. 302–311.

Шуткова Е. Ю. Проблемы изучения истории репрессий в отношении несовершеннолетних граждан в период советской власти // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 59–64.

Bronfenbrenner U. Two worlds of childhood: US and USSR. New York: Russell Sage Foundation, 1970.

Наталья Владимировна Елина

студентка кафедры социальной антропологии и социальной работы,
Саратовский государственный технический университет,
сотрудница Центра социальной политики и гендерных исследований
электронная почта: elina-natalja@rambler.ru

Татьяна Владимировна Знаменщикова

студентка кафедры социальной антропологии и социальной работы,
Саратовский государственный технический университет,
сотрудница Центра социальной политики и гендерных исследований
электронная почта: znamenschikova@rambler.ru
